

МАЙЯ
ЗЕМЦОВА

Будет
МОЕЙ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

Майя Земцова

Будешь моей

«Литнет»

2025

Земцова М.

Будешь моей / М. Земцова — «Литнет», 2025

Работа над диссертацией обернулась кошмаром: один из заключённых устроил дерзкий побег и взял меня в заложницы. Ему двадцать четыре. Он молод, опасен и... пугающе привлекателен. Контент 18+ Очень эмоционально и горячо Разница в возрастеДОБАВЛЯЙТЕ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОСТАВИТЬ «МНЕ НРАВИТСЯ»

© Земцова М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Визуализация 1. Злата и Артём.	12
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	21
Визуализация 2. Артём	23
Глава 8	24
Визуализация 3. Злата и Артем	27
Глава 9.	28
Глава 10	30
Глава 11	34
Визуализация 4. Артём.	36
Глава 12	37
Глава 13	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Злата

— Златка, ты серьёзно поедешь в тюрьму, изучать зеков?

— Ну да, — ответила я подруге, прижав трубку к плечу и пытаюсь параллельно надеть серьги.

— Ну ты даешь! Я думала Леонидыч шутил, когда вчера на собрании расплылся, что у нас планируется грандиозное исследование по заказу ФСИН.

— Ага. Буду вносить свой вклад в развитие кафедры криминальной психологии.

— Слушай, а это точно безопасно? — осторожно переспросила Лиза.

— Да, там будет охрана. Я не первая и не последняя, кто изучает преступников. Ладно, дорогая, мне пора! Наберу тебе потом.

Положив трубку, я поправила пуговицу на белой блузке и внимательно посмотрела на себя в зеркало.

А что, выгляжу очень даже неплохо. И не скажешь, что 35 стукнет на днях. Хотя, лучше бы не вспоминала об этом.

Мысль о надвигающемся «юбилее» слегка подпортила настроение. Почти все мои подруги уже замужем, некоторые обзавелись детьми. А я обзавелась только геморроем в виде диссертации на тему «Психологические особенности и криминологическая характеристика личности осужденных за особо тяжкое преступление.

И сейчас мне предстояла увлекательная поездка в тюрьму.

Если что, я вовсе не горела от восторга, когда мне предложили взяться за эту тему. Но мой научный руководитель не стал ходить вокруг да около:

— Злата, вы пришли в аспирантуру не в двадцать два, а после второго высшего. Вы взрослая, уравновешенная и точно не сбежите после первой же поездки в колонию. Поймите, это не просто наша прихоть. У кафедры договор с ФСИН, сроки горят. Если мы не закроем проект, то потеряем финансирование. И да, это вам нужно не меньше, чем нам — без этой темы вы свою кандидатскую не защитите.

Сказано было мягко, почти по-отечески, но в этих словах слышалось простое «или берёте, или до свидания». С чего только вот он взял, что я не сбегу после первой встречи с преступниками? Сейчас молодежь куда наглее и пробивнее меня, грабителями да убийцами их не напугать.

Глубоко выдохнув и бросив последний взгляд в зеркало, я взяла папку с бланками для исследования и вышла из дома.

В колонию я приехала ровно к назначенному времени. У входа уже ждал заместитель начальника колонии по воспитательной работе, высокий мужчина лет сорока пяти в форме с туго застёгнутым воротником и со скучающим выражением лица. Его звали Сергей Ефимкин.

— Снежинская? — уточнил он, бегло глянув на удостоверение. — Проходите.

На проходной меня встретила проверка, больше похожая на аэропорт: металлодетектор, сканер сумки, длинная стойка с унылой женщиной за компьютером. Телефон, ключи, даже ручку пришлось оставить в ящике для хранения.

— Фотоаппараты, диктофоны, телефоны запрещены, — сухо перечислила дежурная, протягивая мне бумагу для подписи. — В кабинеты входить только в сопровождении сотрудников. Осуждённых не провоцировать, не давать личную информацию.

— Спасибо, — пробормотала я, чувствуя себя школьницей на строгом инструктаже.

— Не волнуйтесь, — вмешался замначальника, заметив мой вид. — Они привыкли к исследователям. Главное, сразу держите дистанцию и не давайте понять, что вас можно вывести из себя.

Глубоко вдохнув, я расписалась в журнале посещений.
 Железная дверь с лязгом открылась, и я шагнула внутрь, в коридор, серые стены которого сразу вызвали неприятное чувство безысходности.

Мужчина провёл меня по длинному коридору, мимо гулких дверей и решёток, каждая из которых открывалась с характерным скрежетом и закрывалась за нашей спиной глухим щелчком замка. Мы свернули в административный корпус, который показался мне менее мрачным, чем основная зона.

— Вас ждут в учебном классе, — бросил Ефимкин, открывая ещё одну массивную дверь.

Помещение напоминало школьный кабинет: выцветшие стены, ряды старых деревянных парт, покрытых царапинами и вырезанными инициалами. У окна стоял длинный стол, на котором уже разложили стопки бланков и десяток шариковых ручек.

Десятка два мужчин уже сидели внутри, все в тюремных робах с нашивками. У двери расположился охранник с автоматом наперевес.

— Группа для исследования, — пояснил Сергей. — Все из отряда №3, особо тяжкие преступления. Как и просили.

Я кивнула, хотя сердце неприятно кольнуло. Это научрук хотел, чтобы мы обязательно изучили самых отъявленных отмороzków: мол, иначе работа не будет иметь настоящей ценности. И вообще, по договору с ФСИН, именно они интересовали их больше всего.

Мужчины смотрели на меня с откровенным любопытством, кто-то лениво, кто-то с ухмылкой. Я поправила блузку и заставила себя пройти к столу, чувствуя каждый шаг, будто шла не по классу, а по минному полю.

Дойдя до стола, я положила папку с анкетами и медленно набрав полные легкие воздуха, задержала дыхание. Раз, два, три, четыре и медленных выдох. Известный способ успокоиться и взять себя в руки.

Развернувшись к классу, я натянула на себя вежливую, но строгую улыбку.

— Здравствуйте, меня зовут Злата Анатольевна Снежинская. Я клинический психолог, буду проводить исследование. Спасибо, что согласились принять в нём участие.

По помещению пронеслись короткие смешки и хмыканье, означавшее «не больно-то нас и спрашивали».

Взяв в руки опросники, я направились было раздать их, но мне преградил путь замначальника.

— Давайте лучше я, Злата Анатольевна, — вежливо процедил он.

Я вспыхнула. Блин, совсем забыла, что на инструктаже сказали стараться избегать любого близкого контакта с заключёнными, а раздачу материала поручить сопровождающему. Да, авторитета у Ефимкина явно я не заработаю.

Пока он раздавал опросники, я обратилась к мужчинам.

— Вам нужно заполнить эти опросники максимально честно. Не раздумывайте долго, отвечайте первое, что пришло в голову, не старайтесь казаться лучше или хуже. Нам важно увидеть именно вас такими, какие вы есть, поэтому чем искреннее будут ваши ответы, тем точнее получится результат.

— А если я честно напишу, что хочу вас, это засчитают как криминальную наклонность? — раздался голос с заднего ряда.

Остальные мужчины загоготали.

Я вскинула голову и врезалась во взгляд говорившего. Он свободно ощупывал моё тело глазами.

Парень был совсем молодым, на вид не старше двадцати пяти, но держался так, будто эта тюрьма принадлежала ему. Коротко стриженные, чуть взъерошенные тёмные волосы выделялись на фоне наголо бритых голов других заключённых, придавая ему почти дерзкий, свободный вид. Резкие скулы и насмешливая линия губ дополняли это ощущение.

Он сидел развалившись на стуле, словно не замечал ни конвоя у двери, ни остальных заключённых.

— Савельев! Давно в ШИЗО не отдыхал? — рявкнул Ефимкин.

Тот не обратил ни малейшего внимания на слова замначальника, продолжая с ухмылкой смотреть на меня.

«Какого хрена ты меня так разглядываешь, придурок отмороженный?» Меня охватила волна раздражения, но поддаться ей означало вступить с этим зеком в перепалку, а этого нельзя было допускать.

Я сделала вид, что не заметила его реплики, и продолжила:

— После того как мы обработаем анкеты, я выберу несколько человек для более подробных индивидуальных интервью. Это стандартная процедура, цель которой уточнить информацию и глубже понять ваши ответы.

Про себя я подумала, что точно не отберу для глубинного интервью этого наглого парня.

Тот, конечно же, не удержался от очередного комментария:

— Как приятно, что вы хотите глубже понять нас.

Произнёс он это вкрадчивым голосом, делая упор на слове «глубже».

Я встретила его взгляд прямо, и в этот раз решила не промолчать.

— Именно. Мы стараемся глубже понимать тех, кто совершает преступления, — произнесла я ровно, не меняя интонации. — Чтобы таких случаев становилось меньше.

Губы парня скривились в усмешке, но он больше ничего не сказал.

— У вас есть около часа на заполнение опросников. Если возникнут вопросы, обращайтесь, но лучше постараться сосредоточиться и не отвлекаться.

Я села за стол, стараясь не замечать жжение, которое ощущала почти кожей. Заключённый Савельев совершенно точно не сводил с меня взгляда, но я намеренно не смотрела в его сторону.

Этот наглец выбесил меня. Уголовник, а туда же. Неужели такие люди всерьёз думают, что могут заинтересовать нормального человека?

Я опустила глаза на бумаги, пытаюсь сосредоточиться на работе. Слышала лишь скрип ручек по бумаге и редкие кашли.

Ничего. Мне осталось приехать сюда всего несколько раз, и можно будет забыть об этом месте, как о страшном сне.

Тогда я ещё не знала, что именно этот страшный сон изменит всю мою жизнь.

Дорогие друзья, очень рада приветствовать вас в своей новой книге!

Глава 2

Через час заключённые по одному начали подходить к столу, оставляя передо мной свои опросники. Я кивала и коротко благодарила, стараясь не задерживать взгляд.

Первый день исследования подходил к концу, и всё оказалось не таким ужасным, как я себе рисовала. Зеки, не считая этого сопляка, вели себя вполне прилично, лишь изредка кто-то позволял себе ухмылку или шуточку, но без перебора.

Ефимкин следил даже за тем, чтобы они не матерились, что было приятно, хотя я вовсе не нежная фиалка. На кафедре во время проверки курсовых преподаватели иногда так выражались, что любой таксист позавидовал бы.

Осталось дожидаться двух последних опросников, один из которых дописывал Савельев. Так как мне не терпелось уже покинуть это здание, я периодически поглядывала на «отстающих». В один из таких моментов наши взгляды пересеклись, и он нагло подмигнул мне, словно поймав на разглядывании его. Я поджала губы и постаралась передать без слов всё, что думаю о людях, сидящих за решеткой.

Наконец-то он поднялся с места и неторопливо направился к моему столу. У меня внезапно быстрее забилося сердце, хотя я и понимала, что рядом охрана и вряд ли он что-то выкинет. Я изобразила неподдельный интерес к своим бумагам, чтобы не смотреть на него.

Савельев положил листы на стол и вкрадчиво произнёс:

— Очень надеюсь встретиться с вами на индивидуальном интервью, Злата Анатольевна.

Я почувствовала, как у меня загорелись уши от злости. Проигнорировав его фразу, я собрала все опросники и обратилась к группе:

— Большое спасибо за ваше сотрудничество, вы вносите неоценимый вклад в науку.

Взрыв смеха я также проигнорировала.

Ефимкин проводил меня до проходной, где мне вернули все мои вещи, и я вышла из здания колонии. Первым делом вдохнула полной грудью, словно очищая лёгкие от тяжёлого тюремного воздуха. Внезапно вспомнился дерзкий взгляд Савельева и раздражение, которое он вызывал у меня. Вот уж ни за что в жизни не вызвала бы его на дополнительное исследование.

Мне нужно было провести несколько индивидуальных интервью, для которых я намеревалась отобрать наиболее спокойных и безобидных зеков, исходя из их опросников.

Чуть повеселев, я села в машину и быстро добралась до дома. Сегодня я ещё на один шаг приблизилась к исполнению своей мечты — получить кандидатскую степень.

На следующий день я сидела на кафедре и обрабатывала опросники. Конечно же, анкета Савельева выбивалась из общей картины. Его ответы показывали самые высокие показатели по склонности к риску и агрессии. Там, где другие хотя бы пытались смягчить углы, он отвечал так, будто нарочно подчеркивал свою дерзость и отсутствие страха.

Владимир Леонидович, мой научный руководитель и по совместительству завкафедрой, зашел узнать, как идет работа.

— Ну что, какие результаты? Есть особо выдающиеся экземпляры для индивидуальных интервью?

— Да, я уже отобрала пять человек. Самые спокойные, без ярко выраженной агрессии, в меру открытые и с понятными мотивациями, — пояснила я, передавая ему стопку опросников.

Владимир Леонидович пробежался глазами по анкетам, кивая. Затем взял остальные, просмотрел их, и его взгляд задержался на одной.

Я ощутила, как неприятно засосало под ложечкой.

Мой научрук долго вчитывался в цифры, потом протянул мне анкету.

— Очень интересный профиль. Высокая доминантность, уверенность, риск, плюс агрессия в явной форме. Добавь его для контраста.

У меня внутри всё протестующе сжалось. Он выбрал профиль Савельева. Ну конечно. Именно его мне и не хватало для «полноты картины».

— Владимир Леонидович, этот заключённый вёл себя очень бесцеремонно и вызывающе при проведении группового исследования. Я бы не хотела встречаться с ним наедине.

Леонидыч приспустил очки и посмотрел на меня поверх них.

— Злата, вы же понимаете, что для исследования важно охватить разные типы. Если будете выбирать только удобных, результат получится однобоким. Для науки это важный материал, а ФСИН ждёт полноценные выводы. К тому же там будет охрана, вам ничего не угрожает. Просто поработайте с ним так же, как с остальными. Вы специалист, а не юная девушка, которой кто-то не понравился. Вы ведь хотите защитить диссертацию?

Я ощутила себя провинившейся школьницей, стоящей перед строгим учителем. Ощущение, прямо скажем, весьма неприятное.

— Хорошо, Владимир Леонидович, я включу его в список для интервью.

Когда научрук вышел из кабинета, я с досадой швырнула опросники на стол. Жутко злила эта ситуация, в которой нужно было делать то, что скажут. Но, с другой стороны, как психолог, я понимала, что выход из пресловутой зоны комфорта всегда способствует росту и развитию человека. После такого исследования мне точно будет не страшно работать с любыми клиентами.

Просто отложу его интервью на самый последний день. По крайней мере, хотя бы это я могла сделать без ущерба для работы.

Глава 3

В следующий приезд я провела исследование с новой группой заключённых, а после него — первое индивидуальное интервью с одним из спокойных кандидатов.

Он рассказал о своей жизни даже больше, чем требовалось по анкете, словно воспользовался редкой возможностью, чтобы его выслушали по-настоящему.

Заканчивая встречу, я поймала себя на мысли, что, может быть, в мире было бы меньше преступлений, если бы людей чаще слушали.

Убрав бумаги в папку, я встала из-за стола и, поблагодарив заключённого, вышла вслед за Ефимкиным. Мы пошли по длинному коридору, и под гулкий звук наших шагов я мысленно считала, сколько ещё визитов мне осталось сделать.

Навстречу нам вышли двое охранников, сопровождавших высокого мужчину в идеально выглаженной робе. Он шел не торопясь, уверенно, будто прогуливался по собственному дому.

Лицо у него было неприятное, с грубыми чертами, резкими складками у рта. Нос с легкой горбинкой, жесткий, холодный взгляд. Когда его глаза задержались на мне, воздух вокруг будто разом потяжелел. Он скользнул по мне взглядом от головы до ног, словно оценивая товар на рынке, и на жёстких тонких губах мелькнула едва заметная, оттого ещё более пугающая усмешка.

Я почувствовала странную дрожь в пальцах и машинально сжала папку, хотя поводов для страха, казалось бы, не было. Всего лишь очередной заключённый. И всё же шаги мои стали чуть быстрее. Ефимкин тоже чуть ускорился, как мне показалось.

Мы разошлись почти вплотную, и ещё несколько метров я шла с лёгким холодком под кожей, сдерживая нервное желание обернуться.

Что я вообще тут делаю? Эта мысль пронзила голову внезапно, как сквозняк сквозь форточку, которую забыли закрыть.

Могла бы сейчас спокойно работать в каком-нибудь медицинском центре, писать методички, а не бродить по этим коридорам между людьми, у которых за плечами то, о чём лучше не знать.

Зачем я поступила в аспирантуру, откуда взялось это нестерпимое желание стать кандидатом наук? Хотела доказать себе и всему миру, что я не неудачница? Или это желание показать Илье, какой бриллиант он упустил?

Перед глазами всплыло его лицо с извиняющимся выражением, когда он сказал, что не готов идти дальше. И это после пяти лет отношений, в течение которых я так упорно делала вид, что у нас всё нормально, просто нужно подождать, просто надо дать ему время.

Дождалась. Он ушёл к двадцатидвухлетней девочке, которая, по его словам, «понимает его лучше». Оставил мне стойкий комплекс, что я старая и недостойна обручального кольца с переливающимся сапфиром. Того самого, что теперь красуется на тонком пальчике его невесты в инстаграме.

Да, я заходила на её страницу. Чтобы в тысячный раз попытаться ответить на тот же тупой и бессмысленный вопрос, который задают себе брошенные женщины по всему миру: чем она лучше меня?

Да ничем. Просто теперь она выбирает фасон платья и на какой остров они с Ильёй полетят в свадебное путешествие. А я провожу беседы с особо опасными зеками в тесной тюремной комнате с решётками на окнах. И ещё скажите мне, что я не в выигрыше.

После посещения тюрьмы мне очень хотелось сменить обстановку, поэтому я позвонила Лизе, и мы встретились в кафешке.

— Ну что, рассказывай, Зейна, королева воинов под стражей! — пошутила Лиза, откусывая эклер. — Как там вообще в тюрьме? Мужики дикие и страшные?

Лиза, в отличие от меня, защитилась много лет назад и осталась работать преподавателем психологии. Мы с ней познакомились на кафедре и сразу сдружились.

Я с наслаждением отпила латте на миндальном молоке и только потом ответила:

— Приятным их общество не назвать. Один вообще отмороженный, начал шары свои подкатывать, прикинь?

— Да ладно?! — захохотала Лизка. — Ну ты, Златка, даешь! Умудрилась зека закадрить.

— Ты совсем что ли? Никого я не кадрила. Он лет на десять меня младше, просто гормоны играют, тормозов нет. Хорошо, хоть охрана его приструнила.

— Да уж, конечно, с другой стороны, наверное, приятно, когда молодой парень с тобой заигрывает. Значит, пора нам с тобой идти в клуб и искать тебе такого же, но без судимости. С Виталькой договорюсь.

Я покачала головой с улыбкой.

— Нет, Лиз, ты что, я вообще не воспринимаю мужчин моложе себя. Ровесников-то даже со скрипом. А так мужчина в идеале должен быть старше.

— Ты уж извини, подруга, но в твоём случае старше — это либо разведённый с прицепом, либо преимпотент.

Лизка, как обычно, ляпала то, что думала. Сама она уже десять лет была счастливо замужем за Виталиком, с которым они поженились сразу после окончания института. У них было двое детей и жизнь расписана почти до пенсии. Но в этой стабильности был особенный уют, поэтому я обожала бывать у них в гостях и играть с мелкими.

Мне вдруг стало грустно. Я всегда мечтала о семье и малыше, а осталась у разбитого корыта.

Лиза уловила перемену в моем настроении и дотронулась до моего плеча.

— Эй, ну ты чего, дорогая? Да я шучу! Ты обязательно встретишь ещё своего мужчину. Но для этого нужно выходить куда-то. А у тебя единственный маршрут: работа – дом – магазин. Я давно тебя пытаюсь вытащить потанцевать.

— Да ну, Лиз, мне ночные клубы уже не по возрасту.

— Глупости говоришь, — фыркнула Лиза. — Возраст у тебя прекрасный. А по европейским меркам ты вообще юная девица. Сейчас как раз время пожить для себя, повеселиться, а не закапываться в работу. Ну и потихоньку присматривать себе потенциального мужа, чтоб успеть родить до сорока.

Я уткнулась в свой латте, чтобы не думать о том, о чём и так постоянно думала.

После расставания с Ильёй часики затикали почти оглушающе. Мама всё настойчивее спрашивала про внуков, а недавно осторожно уточнила, не хочу ли я «родить просто для себя».

Но и бросаться в лихорадочный поиск мужчин я не собиралась.

Мы допили кофе, обсудили ещё пару пустяков и расплатились. На прощание я пообещала Лизе, что, когда завершу свои поездки в тюрьму, мы обязательно выберемся в клуб отпраздновать окончание исследования.

Визуализация 1. Злата и Артём.

Глава 4

— Вы опоздали, Злата Анатольевна, — холодно встретил меня на проходной Ефимкин. Я и правда сегодня заковырялась и вышла позже обычного. Хотя Леонидыч бы сказал, что это сработало сопротивление и мне просто не хотелось приезжать. И был бы прав.

К шестому визиту мне осточертело это здание, эти казённые запахи и постоянные изучающие взгляды мужчин. Стены как будто всё больше сдвигались и давили на меня. А ещё я каждый раз, как назло, сталкивалась в коридоре с тем жутковатым заключённым, чей взгляд неизменно пробирал меня до мороза по коже. Видимо, это какой-то местный авторитет — было очевидно, что охранники относились к нему совсем иначе, чем к остальным заключённым.

Я извинилась перед Ефимкиным за опоздание, и мы быстро прошли в зал, где меня ждала очередная группа испытуемых. После представления и раздачи материала я привычно уткнулась в свои бумаги.

Сегодня предстоял особенно тяжёлый день: меня ждало индивидуальное интервью с Савельевым. Я нервничала и злилась сама на себя за это. Радовало одно — нужно было продержаться всего один час, а дальше свобода.

Закончив с групповым исследованием, я последовала за Ефимкиным в небольшую комнату для индивидуальных интервью. Перед тем как зайти внутрь, я глубоко вдохнула и готовилась к худшему.

Заключённый Савельев сидел за столом в полурасслабленной позе, словно это он назначил встречу. Увидев меня, поднялся и насмешливо поклонился.

— Савельев, сядь. Хватит паясничать, — буркнул Ефимкин.

— Здравствуйте, Артём Николаевич. Спасибо, что согласились на интервью, — подчёркнуто вежливо поздоровалась я.

Савельев снова опустил на стул, не сводя с меня наглого взгляда.

— Очень рад нашей встрече, Злата Анатольевна, — с ухмылкой произнёс он.

Тюремная роба совсем не портила его внешний вид, наоборот, как-то по-особенному подчёркивала накаченные мышцы. Через расстёгнутый воротник виднелись татуировки на шее и груди, линии которых уходили куда-то ниже, под ткань робы. Карие глаза смотрели дерзко и уверенно, будто всё здесь, от стола до меня, принадлежало ему.

— Я буду в соседнем помещении, — бросил Ефимкин и вышел.

Охранник в углу, судя по виду, еле сдерживал зевоту.

Савельев был в наручниках, но это не слишком успокаивало. Слава богу, я хотя бы знала, где находится тревожная кнопка, потому что от таких молодых отморозков можно ожидать чего угодно.

Я разложила перед собой бумаги.

— Давайте начнём, Артём Николаевич. Как вы себя чувствуете сегодня? — задала я стандартный вопрос.

— Просто чудесно, Злата... можно просто по имени? И предлагаю сразу перейти на «ты», — подмигнул мне Савельев.

Начинается. Он реально ведёт себя как гормональный подросток на первом свидании.

— Артём Николаевич, напоминаю вам, что мы проводим исследование, которое требует определённой субординации. Ваше предложение совершенно неуместно.

Я сделала пометку в бланке.

— Мы начнём с нескольких общих вопросов. Расскажите немного о себе.

— Лучше вы о себе расскажите, Злата Анатольевна, — он усмехнулся, медленно откинувшись на спинку стула. — А то как же я вам откроюсь, если я вас совсем не знаю.

— Это не интервью обо мне, Артём Николаевич. Мне нужны общие сведения: откуда вы родом, чем занимались до заключения, есть ли семья.

— Семьи нет, я совершенно свободен для вас, — подмигнул он.

Я устало вздохнула. Интервью только началось, а мне уже хотелось сбежать.

— Артём Николаевич...

Он вдруг резко подался ко мне через стол и, несмотря на наручники, ладонями накрыл мои руки. Я вздрогнула от неожиданности. Его пальцы были горячими и сжали мои крепко, не давая вырваться. Лицо оказалось так близко, что я разглядела тонкий ободок вокруг радужки, в которой смешивались карий и зелёный. Наверное, на солнце его глаза казались бы почти жёлтыми, сверкая тем самым хищным янтарём, каким волк смотрит на добычу из-за кустов.

Его голос снизился до опасного полущёпота:

— Просто Артём... Когда будешь извиваться подо мной, я хочу, чтобы ты выкрикивала моё имя.

— Охрана! — выкрикнула я, но голос сорвался, и вместо крика вышел жалкий писк. Охранник же прислушивался к нарастающему шуму за дверью и не обратил на меня ни малейшего внимания.

Моё сердце колотилось с сумасшедшей скоростью, а от этих возмутительных слов по спине, к моему ужасу, пробежали мурашки. Наверное, это была просто шоковая реакция.

Я всё-таки вырвала руки и резко поднялась из-за стола. Нет уж, пошёл к чёрту этот Леонидыч вместе со своим ФСИНом. Я больше ни минуты не проведу наедине с этим животным.

Глава 5

В кабинет внезапно ворвался Ефимкин.

— Злата Анатольевна, быстрее, пройдемте со мной.

Он говорил резко, но в голосе проскальзывало напряжение. Я быстро собрала бумаги. Глухой гул за стенами становился громче, наполняясь криками и лязгом металла. Мало мне приставаний Савельева, так, похоже, ещё и в тюрьме намечался бунт.

— Что там происходит? — спросила я, стараясь не дрожать.

— Так, ерунда, небольшие беспорядки, — коротко бросил он и уже тянул меня к двери. — Не переживайте, сейчас всё быстро уладят. Но вас надо вывести в безопасное место.

Я испуганно прижала к себе бумаги, словно они каким-то образом могли меня защитить. Да уж, в узкой юбке-карандаше, белой блузке и с высоким пучком на голове я выглядела идеальным объектом для разбушевавшихся зеков, годами не видевших женщин. Прямо-таки ведущая «Слабого звена». Сексуальная стерва, как называл её Илья.

Думала, что строгий деловой стиль придаст мне авторитет и дистанцию в глазах заключённых и персонала. Теперь же казалось, что это самая глупая идея в моей жизни. Почему я не надела джинсы и худи?

— Остаёшься с ним и следишь, чтобы не рыпался, — бросил Ефимкин охраннику, кивая на Савельева. — А вы, Злата Анатольевна, идёте.

Мы вышли из помещения и пошли по коридору, но не в сторону проходной, а к комнате охраны.

Когда мы свернули за угол, из боковой двери неожиданно вывалились двое заключённых. Один из них, с короткой жилистой шеей и свинячьими глазками, рванул прямо на нас. Ефимкин успел толкнуть меня в сторону, но удар по голове пришёлся ему точно и сильно. Он осел на пол, хрипло выдохнув. Я вскрикнула, прижав ладонь ко рту.

— Эй, тихо-тихо, красавица, — раздался позади знакомый голос.

Я похолодела, обернувшись. Савельев стоял уже без наручников, а в глазах у него сверкал тот самый волчий янтарь. Он резко подхватил меня за талию и развернул к себе, прижимая так, что у меня перехватило дыхание.

— Теперь ты идёшь со мной, золотце.

— Ззачем? — прошептала я, чувствуя, как предательски дрожит голос.

— Мне нужен живой щит, — хищно улыбнулся он. — По тебе охрана стрелять не будет, у них строгие указания насчёт гражданских заложников.

Заложников? Я не верила своим ушам. Всё происходящее казалось бредовым сном, из которого невозможно проснуться.

Он повел меня по коридору, двое других зеков следовали за нами.

— Проверьте выходы, — коротко бросил им Савельев, а затем прижал меня к себе ещё крепче и прошептал, почти касаясь губами уха:

— Сейчас мы с тобой прокатимся с ветерком, красавица.

Мы пошли не тем путём, которым обычно вёл меня Ефимкин. Несколько метров спустя мы свернули в служебный коридор. Навстречу нам выскочил охранник с автоматом в руках.

— Заключённый Савельев! Ложитесь на пол! Бросьте оружие! — рявкнул он, направляя ствол прямо на нас.

А в следующее мгновение кровь в моих артериях замедлила свой ритм, потому что моего виска коснулся холодный металл. У заключённого Савельева в руке откуда-то взялся пистолет. И его дуло сейчас было прижато к моей голове.

— Борисыч, дай пройти, — почти ласково попросил его Савельев, вот только от его тона у меня заledenел загривок. — Ты же видишь, у нас тут дама. Я просто провожу её к выходу, как настоящий джентльмен.

В глазах охранника явно проскользнуло замешательство. Пальцы на автомате чуть сжались, но ствол так и остался направленным на нас.

Я чувствовала, как пистолет сильнее вжимается в мой висок. Неужели, моя жизнь сейчас закончится прямо тут? Так глупо и нелепо? Сердце колотилось, как бешеное.

Охранник перевёл глаза с Савельева на меня, будто взвешивая, готов ли рискнуть моей жизнью ради задержания.

— Савельев, ты сошел с ума! — наконец выдохнул Борисыч, опуская автомат. — За это тебе пожизненное светит, идиот!

— Поздно бояться, Борисыч, — пропел Савельев, подталкивая меня вперед. — Поздно пить боржоми, когда печень отвалилась. Пошли, парни!

Он потащил меня дальше по коридору. За спиной послышался отчаянный крик Борисыча: "Тревога! Объявляю тревогу!".

— Савыч, второй выход из хозблока подготовлен, но надо поспешить, — сказал второй заключенный, высокий и очень худой.

Я обратила внимание, что и у него в руках был пистолет. Блин, да что это творится такое, откуда у зеков оружие? И как Савельев снял наручники?

Мы пошли почти бегом, отчего каблуки моих туфель стучали так громко, что каждый звук отдавался в висках. Савельев держал меня за талию одной рукой, второй сжимая пистолет, прижатый к моему боку. Двое других заключённых, мрачные и молчаливые, шли чуть позади, прикрывая спину.

Я всё ещё не могла до конца поверить в реальность происходящего, будто меня накрыл мутный кокон шока, притупивший все чувства и не дававший страху пробиться наружу.

Свернув еще пару раз, мы подошли к большой металлической двери, за которой начинался длинный узкий коридор, ведущий к служебным переходам между корпусами. Лампочки под потолком моргали, разливая тусклый жёлтый свет, от которого меня почему-то начало тошнить.

На перекрёстке коридоров мы свернули налево и уткнулись в решётчатые ворота, через которые заключённых проводили только в сопровождении нескольких сотрудников и которые всегда держали закрытыми. Но сейчас засов был отодвинут, а калитка приоткрыта.

Мы вышли в производственную зону, обогнули длинный кирпичный склад и оказались перед ещё одной дверью. Там стоял охранник, но вместо того чтобы преградить нам путь, он молча отступил в сторону, как будто ждал именно нас. Савельев коротко бросил ему что-то вполголоса, на что тот кивнул.

И тут во мне что-то щёлкнуло. Всё встало на свои места: бунт был лишь прикрытием, дымовой завесой для тщательно спланированного побега. А побег из этого места невозможен без подкупа охраны.

Мне стало противно от этого осознания.

Но вместе с отвращением пришел страх. Подлинный, парализующий, леденящий душу страх.

Потому что, как только мы окажемся за стенами этого здания, я стану им не нужна. А таких заложников, точнее, ненужных свидетелей, как правило, не оставляют в живых.

Глава 6

Мы вышли на хоздвор, и в лицо ударил резкий осенний ветер, пахнувший сыростью.
Савельев, не ослабляя хватки, потащил меня к дальнему углу двора, где за бетонной стеной виднелись створки служебных ворот. Двое его дружков шли чуть впереди, оглядываясь и жестами подгоняя друг друга.

Возле ворот стоял охранник в куртке нараспашку, с автоматом в руках. Я едва успела подумать, подкуплен ли он тоже, как он резко вскинул ствол, заметив нас.

— Стоять! Бросить пистолет! — рявкнул он, целясь прямо в Савельева.

И снова мой висок обжег холод металла.
— Опустит ствол, командир, — лениво протянул Савельев, упирая пистолет мне в висок. — Один твой выстрел, и я успею вышибить ей мозги. Потом будешь писать рапорты, почему гражданская в мешке.

Я почувствовала, как его пальцы сильнее сдавили мою талию, вжимая в себя так, что спиной я ощущала ритм его сердца.

Охранник сделал шаг к нам, явно колеблясь, и в этот момент один из подельников Савельева рванулся вперед. Удар прикладом в висок пришелся резко и точно, и охранник рухнул, даже не успев выстрелить.

Подельник Савельева ловко перехватил автомат, выдернув его из руки рухнувшего охранника. Второй подхватил его под плечи и оттащил к стене, оставив лежать в грязи, как ненужный мешок.

— Быстро, открывай, — бросил Савельев.

Тот, что с автоматом, подскочил к створкам ворот. Щелкнул замок, тяжелая калитка со скрипом распахнулась, выпуская нас в узкий проезд между бетонными заборами.

Савельев подтолкнул меня вперед, не убирая ствола от головы.

— Еще пара минут, золотце, и мы на воле, — шепнул он и неожиданно слегка прикусил мне мочку, отчего я ойкнула.

Мы миновали проезд и вышли к гравийной площадке. Там, в тени полуразвалившегося ангара, стояла темная «газель». Двигатель был уже заведен, за рулем сидел мужчина в черной кепке с опущенным козырьком.

— Живее, — рявкнул Савельев своим, и те сразу двинулись к машине, открывая задние двери настежь.

Я почувствовала, как сердце ухнуло в пятки. Каждый шаг к этому фургону казался еще одним гвоздем в крышку моего гроба.

— Пожалуйста, Артем, отпустите меня, — взмолилась я, хватая его за рукав рубы. — Вы же вырвались на свободу, я вам больше не нужна!

Савельев коротко рассмеялся, удерживая меня железной хваткой.

— Ни в коем случае, Злата Анатольевна. Нам еще нужно закончить наше интервью.

Его взгляд недвусмысленно скользнул по моей груди.

— И лучше это сделать в более... интимной обстановке.

У меня внутри все перевернулось. С одной стороны, его пошлые намеки означали, что прямо сейчас он меня не убьет. С другой — становилось страшно до тошноты от того, что именно он со мной собирался сделать.

Савельев дернул меня к фургону, и через пару секунд мы уже были внутри, захлопнув за собой двери. Машина тронулась, унося нас прочь от тюремного двора.

В фургоне воняло какими-то химикатами и бензином. В узкой юбке сидеть на полу было жутко неудобно. К счастью, там валялись какие-то тряпки, и я хотя бы не отбила задницу о голый металл, когда машина подсакивала на кочках.

Итак, пора поразмышлять о своей судьбе. Реальность была неутешительна: я еду в газели с тремя зеками, не знаю куда и не знаю, что со мной сделают.

Мысленно я уже послала Леонидычу несколько лучей диареи. Раз он так радуется за науку, пусть сам бы и сидел сейчас в этой вонючей машине. Его хотя бы не одаривали бы сальными взглядами, как это сейчас делали подельники Савельева. По спине внезапно проползла ледяная змея при мысли о том, что они могут захотеть позабавиться со мной втроем, а потом выкинуть в канаву, как использованную куклу.

Савельев вытащил откуда-то из угла сумку, расстегнул молнию и достал стопку одежды.

— Пришло время переодеться, парни. С нами все-таки дама, — подмигнул он мне.

Он расстегнул пуговицы на робе и стянул ее с плеч, бросив на пол фургона. Под ней была черная майка, плотно облегавшая широкую грудь и рельефный пресс, которую он секунду спустя стянул через голову. Затем расстегнул штаны робы и сбросил их, обнажив мощные бедра и мускулистые ноги. В итоге он остался сидеть передо мной в одних трусах.

Нельзя было не признать, что для зека у него было слишком великолепное тело, словно с картинки мужского журнала. Точнее, с обложки журнала о плохих парнях. Татуировки покрывали плечи и руки до самых ключиц, обвивали бицепсы, спускались по боку и исчезали за резинкой темных боксеров, плотно облегающих его бедра.

Я поймала себя на том, что слишком долго смотрю, и встретила его самодовольный взгляд.

— Что, нравится вид, золотце? — усмехнулся он, натягивая джинсы. — Не волнуйся, скоро ты увидишь меня совсем без одежды, и поверь, не будешь разочарована.

Щеки вспыхнули сами собой. Я резко отвернулась, но в фургоне уже раздались смешки.

— Везучий ты, Савыч, — сипло бросил зек со свинячьими глазками. — А на нас цаца даже не посмотрела.

— Правильно, у Златы Анатольевны хороший вкус. Она знает, что молодой люкс лучше потерто-го ширпотреба, — парировал Савельев, отчего подельники только громче загоготали.

Мужчины быстро переоделись, сменив тюремные робы на джинсы и футболки, поверх которых накинули кожаные куртки.

Мы ехали, по моим ощущениям, не меньше трех часов, пока фургон наконец не свернул с основной дороги на гравий. Машину стало трясти так, что подельники Савельева дружно матерились, а меня с каждой кочкой все сильнее мучило от бензинового запаха и качки.

Под веселый мат дружков Савельева мы проехали еще пару километров, пока не остановились.

— Приехали, красавица, — провозгласил Артем, рывком поднимая меня на ноги и подхватывая под руку.

Я покинула машину с большим облегчением. Голова все еще кружилась, а ноги предательски дрожали, едва я встала на землю.

Мы находились в глухом лесу. Перед нами возвышалось массивное здание, похожее на огромный сарай или амбар.

Двери фургона хлопнули за спиной: наружу выбрались остальные. Один щелкнул зажигалкой, выпуская облако дыма, другой размял затекшие плечи. Фургон тут же развернулся и скрылся из виду.

Савельев повел меня вперед, удерживая за локоть. Гравий хрустел под каблуками, которые то и дело норовили подвернуться. В одной блузке я моментально заledenела от холодного вечернего воздуха.

Когда мы подошли ближе, я поняла, что это вовсе не амбар, а настоящий дом. Только окна его были заколочены, а стены обшарпаны так, что издалека постройка могла сойти за заброшенный склад.

Массивная дверь отворилась, и на крыльцо вышел огромный мужчина, один только вид которого вызывал страх. Угрюмое лицо, заросшее бородой, не предвещало ничего хорошего. Кулаки же были размером с мою голову. Боже мой, неужели меня привезли в логово бандитов? На фоне этого громилы Савельев вдруг начал казаться почти милым и даже приятным парнем.

— Здорово, Саныч! — радостно поприветствовал его Артем.

— И тебе не хворать, малой. Ты теперь местная легенда, никто не верил, что ты правда сможешь выйти из хаты. Здорово, Сыч, — громила пожал руку свиноподобному подельнику Савельева.

— Это Косой, — представил Савельев второго зека Санычу. — Тоже теперь с нами.

— Телка зачем? — Саныч бросил на меня острый взгляд, под которым я поежилась. Хотя мне тоже хотелось бы услышать, зачем я здесь. Вот только боюсь, ответ мне не понравится.

Савельев приобнял меня за плечи.

— Саныч, ну какая телка, это Злата Анатольевна, между прочим, специалист по криминальной психологии. Помогла нам выбраться без потерь.

— Малой, я понимаю, у тебя кровь молодая, горячая, но на хера ты ее сюда притащил? Если между ног чесалось, трахнул бы по пути, да там бы сразу и избавился.

Я почувствовала, как у меня зашевелились волосы на затылке от ужаса. Все мои самые худшие опасения сбывались на глазах.

— Саныч, ты болтай, да не заговаривайся, — неожиданно бросил Савельев стальным голосом. — Я сам решу, что и когда с ней делать.

К моему удивлению, громила только скривился и больше ничего не сказал, но тяжелый взгляд, брошенный на меня, прожег до костей.

— Ладно, пора принять ванну и выпить чашечку кофе, — снова перешел Артем на насмешливый тон. — Прошу, Злата Анатольевна, добро пожаловать в наш скромный, но уютный дом.

Мы зашли внутрь. Запах сырости и дешевого табака ударил в нос. Под ногами скрипели темные половицы, стены были обшиты грубыми досками, а в углу тускло горела лампочка под железным абажуром. Сразу у двери стоял массивный стол, заваленный грязной посудой. Чуть дальше — диван и два кресла напротив большого телевизора, по которому шли новости.

Сыч и Косой опустили на диван, перед этим выцепив пару бутылок пива из холодильника.

Савельев повел меня дальше по коридору, демонстративно приобняв за талию, словно я была его трофеем. Мы дошли до самой дальней комнаты, он завел меня внутрь и повернулся ко мне.

— Ну что, золотце, — тихо проговорил он, наклоняясь к уху, — устраивайся поудобнее. Нам с тобой тут придется немного задержаться.

Я перестала дышать. Сейчас он меня изнасилует и задушит?

Савельев резко притянул меня к себе, провел пальцами по щеке, коснулся нижней губы и слегка оттянул ее большим пальцем. Его карие глаза снова казались почти желтыми.

— Ты такая сладкая, что я бы прямо сейчас попробовал тебя во всех позах, — прошептал он, проводя языком по моей шее и время от времени прикусывая кожу.

Он прижался ко мне, и внушительная твердость ясно дала понять, что он не шутит. Мое дыхание сбилось, грудь тяжело вздымалась, и я не могла разобраться, что сильнее: страх или тот странный предательский жар, разливающийся внутри.

Как ни странно, от него очень приятно пахло, терпко и свежо, с теплой примесью кожи и мужского жара. Будто и не существовало ни тюрьмы, ни грязной роботы. Только сильное тело молодого самца, опасное и притягательное одновременно.

Он раздвинул мои ноги коленом и прижал руками мои руки к стене, полностью лишив возможности двигаться. Его губы обжигали поцелуями шею, спускаясь все ниже, к вырезу

блузки. Во время дороги несколько пуговиц расстегнулись, одна и вовсе оторвалась, и теперь от моей груди его отделяли всего пара сантиметров.

— Нет, Артем, прошу, перестаньте! — выдохнула я, и голос прозвучал, как отчаянный вскрик загнанного в угол животного. Кожа горела от его касаний, словно от обжигающих капель лавы. Низ живота скрутило горячим тугим узлом, я с ужасом почувствовала, как между ног стало предательски влажно.

Он замер и поднял голову, впиваясь в меня янтарным взглядом.

— Ты же тоже этого хочешь, — хрипло произнес он, скользнув ладонью по моему бедру. — Чувствую даже через одежду. Хочешь, докажу прямо сейчас?

Его пальцы задрали юбку и двинулись выше, к самому запретному, но я успела перехватить его руку.

— Не надо... пожалуйста, — сорвалось у меня. — Я устала... и меня мутит после этой проклятой поездки.

Он смерил меня долгим взглядом, затем резко наклонился и поймал мои губы в поцелуе — грубом, властном, от которого у меня закружилась голова. Вкус мужчины заполнил все мои рецепторы, его губы сминали и давили мои, вызывая обжигающий трепет в груди. От неожиданности я не успела стиснуть зубы, и он без труда прорвался языком, вторгшись в мой рот так же нагло и безжалостно, как делал все остальное.

И так же внезапно, как начал, он отстранился.

— Ты и правда устала, день выдался нервным, — сказал он, словно ничего и не было. — Отдыхай, золотце. Потому что когда придет время, я трахну тебя так, что у тебя ни сил, ни голоса не останется.

На этой многообещающей ноте он вышел из комнаты.

А я на подгибающихся ногах добралась до кровати и рухнула без сил. Мое тело едва не предало меня. И перед кем? Перед наглым, дерзким зеком, моложе меня лет на десять, во власти которого я так внезапно оказалась.

Глава 7

Я не заметила, как отрубилась. Не знаю, сколько проспала, но проснулась от ощущения горячего тела, прижавшегося ко мне сзади. Я испуганно дёрнулась, но мужская рука крепко удержала меня.

— Спокойно, — прошептал Савельев, и на мгновение я испытала облегчение, что это не один из его подельников.

Но тут же снова начала вырываться.

— Золотце, успокойся. Я не собираюсь тебя сейчас трахать, — в его голосе сквозила насмешка. — Но это единственный способ уберечь тебя от Сыча или Косого. Они изголодались по бабам. Если я уйду, не факт, что ночью к тебе не наведается кто-то из них.

При одной мысли, что Сыч сунет ко мне своё свиное рыло, меня вывернуло изнутри. Я замерла. Доверия к Савельеву не было, но уж лучше отбиваться от него, чем от тех уродов.

Если бы я не видела его в робе, никогда бы не подумала, что он заключённый. Даже татуировки, покрывающие его тело, скорее придавали ему шарм, чем напоминали о решётке. Но факт оставался фактом: он зек, осуждённый за тяжкие преступления. Насколько помнила из его анкеты, ему дали десять лет за вооружённый разбой с убийством. Так что расслабляться было нельзя.

Спустя пять минут его дыхание выровнялось, и он крепко заснул, всё так же прижимая меня к себе. У меня возникла мысль выскользнуть и попробовать сбежать, но я тут же отказалась от этой идеи. В туфлях на каблуках я далеко не убегу, а босиком ночью в октябре рискую не только сбить ноги в кровь, но и вовсе не дойти до спасения. К тому же наткнуться в темноте на Саныча означало смертный приговор.

Я интуитивно чувствовала: моя жизнь сейчас целиком и полностью зависит от Савельева. Поэтому бежать я попробую при более удобном случае.

Несмотря на все переживания, я очень скоро тоже заснула и проспала до самого утра.

Проснулась я одна. Первые несколько секунд сознание плыло в блаженной пустоте, но в следующее мгновение память обрушилась, как ледяной душ: я взаперти в лесном доме, полном бандитов. Сначала меня сковало оцепенение, а потом нахлынула паника.

Хуже всего было то, что единственное, что мне оставалось, — это просто ждать. Я проверила дверь, она была заперта. Окно не открывалось. Поэтому я просто села на кровать и устала на стену, стараясь успокоить дрожь дыхательными упражнениями.

Внезапно дверь распахнулась, вошёл Савельев с бутылкой воды и каким-то свёртком. А ещё он бросил на кровать мужскую кожаную куртку.

— Доброе утро, красавица, — поприветствовал он меня. — Я принес тебе воду и бутерброды. Быстро завтракай, затем туалет и снова в путь-дорогу. Куртку надень, а то там прохладно.

Он говорил так, словно речь шла об увлекательной поездке на уикенд. Но есть и пить правда хотелось очень сильно, поэтому я не стала отказываться от предложенного.

Полчаса спустя мы вышли к припаркованному у дома чёрному внедорожнику. Сыча и Косого не было видно, зато на переднем сиденье сидел Саныч с неизменно угрюмым выражением лица.

Я устроилась на заднем сиденье, стараясь не издавать ни звука. Мельком взглянув в зеркало, я ужаснулась: тушь размазалась, пучок распался, волосы лежали чёрти-как, глаза полны страха. Впрочем, так даже лучше. Чем больше я похожа на пугало, тем меньше ненужных мыслей вызову у этих мужчин.

Савельев сел за руль, и машина рванула с места. Он вёл нагло и уверенно, высунув локоть из окна и подставив лицо встречному ветру. Очки-авиаторы и взъерошенные волосы завер-

шали картину — он выглядел так, будто только что выехал со съёмочной площадки американского боевика.

Интересно, он сам хоть помнит, что он беглый зек? Первая же проверка документов, о которой я сейчас молила судьбу, мгновенно выдала бы его. Хотя, подозреваю, у них наверняка уже припасены фальшивые паспорта.

Когда они выехали с узкой лесной дороги на трассу, Савельев прибавил газу, и джип понёсся уже под сто пятьдесят километров в час.

Саныч закурил прямо в салоне, выдыхая дым в приоткрытое окно.

— Ладно, малой, ты, конечно, стартанул красиво. И налёт, и хата, и побег — всё по высшему разряду. Но не думай, что этого хватит.

— А что, мало, по-твоему? — усмехнулся Савельев. — Я уже сделал больше, чем многие за всю жизнь.

— Сделал, — согласился Саныч, стряхивая пепел. — Только у Рябого свои правила. Он всё равно будет шупать, пока сам не убедится. И чем круче ты выглядишь, тем жёстче он тебя проверит.

— Да пусть шупает, — пожал плечами Артём. — Главное, чтобы не за задницу.

— Ты только не перегни, малой. Языком поосторожней мели. Я-то за тебя поручился, но Рябой у нас недоверчивый. Проверять будет жёстко. Начбез у него вообще та ещё сволочь. Никому и никогда не верит. А ты ещё и с балластом.

Саныч стряхнул пепел и неодобрительно качнул головой. В зеркале я уловила его косой взгляд, который он метнул в мою сторону. Он явно был недоволен моим присутствием. Да я и сама с радостью покинула бы вашу компанию, Саныч, только хотелось бы живой.

Я не наивная девочка и прекрасно понимала, что участь моя изначально была predetermined. Но внутри всё равно бурлила какая-то наивная надежда, что, может быть, Савельев наиграется со мной и отпустит.

И сейчас мне категорически не нравилось, что они так спокойно обсуждали при мне свои бандитские дела. Ничего хорошего это мне не сулило.

Я впила ногти в ладони, чтобы чуть успокоиться. Как минимум пока я жива.

**Начбез — начальник службы безопасности.*

Визуализация 2. Артём

Глава 8

— О, ща заодно кофейку бахнем, — радостно воскликнул Савельев, заезжая на заправку спустя пару часов пути.

Я в изумлении смотрела, как он без тени опаски выходит из машины, кивает заправщику и направляется к кассам, как самый обычный водитель. Заправщик вставил шланг, и в воздухе запахло бензином. Лицо молодого парня оказалось совсем рядом с приоткрытым окном Савельева.

Саньч повернул ко мне своё хмурое лицо, словно услышав мои мысли.

— Двери заблокированы. Попробуешь дёрнуться — получишь перо под рёбра. Поняла?

Я кивнула, с трудом сглотив: горло пересохло от его тихого, но смертельно опасного предупреждения.

Савельев вернулся с тремя бумажными стаканами, с непринужденной улыбкой протянул мне один, подмигнув:

— Латте, красавица. Специально без сахара, чтоб фигура не пострадала.

Я молча приняла стакан. Господи, он вообще в своём уме? Этот человек в розыске, его лицо наверняка крутят по всем каналам, а он спокойно разгуливает на свободе и покупает кофе. Неужели там не висело ни одной ориентировки?

Я отпила горячего напитка, с надеждой прислушиваясь, не завоют ли где-то поблизости полицейские сирены.

Саньч взял свой стакан, смерив его тяжёлым взглядом.

— Малой, ты совсем охуел. Хочешь, чтоб тебя срисовали в первый же день?

— Не кипишуй, — Артём сделал глоток и довольно прищурился. — Давно мечтал о нормальном кофе.

Саньч затушил сигарету в пепельнице и снова покосился на Савельева.

— Скажу честно, малой, если б не Смола, хрен бы я за тебя поручился. Но раз он сказал, что толк в тебе есть, значит это правда. Смолу я двадцать лет знаю, он дичь не гонит.

Он хмыкнул, отхлебывая кофе.

— Хотя ты, конечно, с приветом. Лезешь на рожон, языком чешешь, будто бессмертный, бабу притащил.

Артём ничего не ответил, только усмехнулся в ответ.

Я тем временем молча пила свой напиток. Латте оказался довольно неплохим для купленного на заправке, его вкус и уютный кофейный аромат создавали иллюзию нормальности, которой не было и в помине.

Ситуация была абсурдна до нелепости: я, аспирант кафедры психологии, пью кофе из бумажного стаканчика в компании двух уголовников, будто это обычная поездка за город. Не хватало только включить радио и начать подпевать втроём.

Савельев поймал мой взгляд в зеркале:

— Золотце, а теперь будь умницей, ляг на заднее сиденье, — сказал он ласково. — Не хотелось бы портить тебе причёску мешком на голове. А так хоть отдохнёшь и не будешь светить мордашкой, где не надо.

С этими словами он послал мне воздушный поцелуй, а я с трудом сдержала желание врезать ему по самодовольной физиономии.

Поджав губы, я легла, подложив руку под голову и подтянув ноги к себе. Напоминаю, на мне всё ещё была узкая юбка, так что можно представить, насколько это было «удобно».

Остаток пути прошёл без остановок, и только когда Савельев бросил короткое «приехали», я приподнялась и выглянула в окно. Машина стояла в каком-то городе, на пустой глухой улице. По моим прикидкам, мы были уже дальше чем за тысячу километров от дома.

— Ну вот, малой, — Саныч щёлкнул окурок в окно и скривил ухмылку. — Добро пожаловать в малину*. Тут пока и перекантуешься, пока Рябой решит, что с тобой делать. Хата проверенная, соседи молчат, легавые сюда нос не суют. Всё для своих.

Он вытащил связку ключей и сунул Артёму.

— Третий этаж, тридцать четвёртая. В хате хавка, бухло, волина*, мобила с симкой и нал. Всё есть, чтоб сидеть тихо. Но учти, малой, это не санаторий. Один косяк и будешь сам себе яму копать.

Саныч смерил меня взглядом, затем повернулся к Артёму.

— Я тебя прикрываю, но если что, отвечать тебе. Я за бабу башку класть не собираюсь. Бывай.

Он хлопнул дверцей джипа и, не оборачиваясь, пошёл к чёрному седану, что стоял в тени соседнего дома.

Артём с улыбкой развернулся ко мне.

— Ну вот мы и остались вдвоём, красавица. Слышала Саныча — любовное гнёздышко подготовлено и с нетерпением ждёт нас. Пойдём.

Меня передёрнуло от его слов. Я лихорадочно искала хоть кого-то из прохожих, но двор был словно вымерший. Ни звука, ни одного человека.

Савельев открыл дверь с моей стороны, цепко взял меня под локоть и повёл к подъезду.

— Если тебе пришла в голову глупая мысль закричать, сразу забудь об этом, — тихо предупредил он совсем другим тоном.

Секунду спустя мне в бок упёрлось что-то твёрдое, похожее на дуло пистолета, и я поняла, что он не шутит.

Мы поднялись на третий этаж и зашли в квартиру. Савельев тут же запер замок на ключ.

— Располагайся, чувствуй себя как дома, — ухмыльнулся Савельев, скидывая куртку.

Я сняла куртку, повесила её на крючок, стянула ботинки на каблуках, от которых уже давно ныли ноги.

Наверное, я выглядела как бомжиха. По крайней мере, чувствовала себя именно так. Будучи заложницей беглого зека, больше всего на свете я сейчас мечтала о душе. Верхом блаженства казалась чистая сменная одежда.

Я по-прежнему не понимала, зачем Савельев притащил меня сюда. По логике, я была лишней. Проще всего было бы изнасиловать меня где-нибудь в дороге и перерезать горло, чтобы не мешалась и не создавала проблем. Не то чтобы я рвалась к такому финалу, но всё же это выглядело куда логичнее, чем вся эта странная игра.

Оставалось гадать: он маньяк, которому нравится мучить, или у него есть какая-то причина держать меня рядом? Эта мысль обожгла холодом. А вдруг он решил «подарить» меня тому самому Рябому, о котором говорил с Санычем? Я так поняла, это главарь банды, куда вливался Савельев.

Хотя и это казалось абсурдным. Зачем главарю ОПГ скучный психолог, да ещё и «не первой свежести»? Я, конечно, выглядела неплохо для своего возраста, но такие люди обычно окружены упакованными двадцатилетними девочками, готовыми на всё. Вряд ли Рябого впечатлит такой презент.

Мои размышления прервал Савельев, который до этого возился на кухне.

— Красавица, мне надо будет отъехать ненадолго. Оставляю тебя на хозяйстве, не скучай.

Он подошёл ближе, встал почти вплотную, так, что я чувствовала жар его тела. Кровь в жилах вдруг побежала быстрее. Он прижал меня к себе, а второй рукой стремительным движением выдернул шпильки из пучка. Волосы тяжёлой волной упали на плечи.

— Так гораздо лучше. Хочу видеть тебя с распущенными волосами, золотце, — сказал он, целуя ямочку возле яремной вены.

Кожу обожгло огнём от прикосновений его губ. Его ладони скользнули под блузку и накрыли мою грудь. Пальцы проникли под кружево лифчика, заиграли с затвердевшими сосками.

У меня вырвался произвольный стон. Этот мелкий сопляк вёл себя как хозяин положения, а моё тело почему-то отзывалось на его дерзкие касания.

Собрав все силы, я оттолкнула его. Он качнулся назад, но лишь на шаг, будто позволяя мне вдохнуть. Уже в следующий миг Савельев снова оказался рядом, запустил ладонь в мои волосы, пропуская пряди сквозь пальцы, медленно перебирая их, то сжимая, то разжимая кулак.

— Ты же понимаешь, что я всё равно возьму своё?

Второй рукой он сжал мои ягодицы и вдавился в меня каменной эрекцией. У меня перехватило дыхание.

— Представь, как ты будешь кайфовать, когда я вгоню его в тебя, — развратно прошептал он мне на ухо, облизывая мочку. — Я хочу, чтобы ты кончила минимум три раза.

Его бёдра потерлись о мой лобок, имитируя фрикционные движения. У меня закружилась голова. Его наглый шёпот и упорное давление тела загоняли меня в состояние, близкое к ступору. Отдайся. Он знает, что делать.

Я зажмурилась, силясь взять себя в руки.

— Отвали, Савельев, — прошипела я, уперев ладони в его грудь.

Но он даже не шелохнулся, лишь усмехнулся так, будто мои протесты были всего лишь игрой. Его пальцы скользнули к пуговицам на юбке. Но в этот момент в его кармане завибрировал телефон, а через секунду заиграла мелодия, нарушая ритм происходящего.

Савельев замер, нахмурился, будто колеблясь, а потом нехотя отстранился.

— Чёрт... — он вытащил мобильник, глянул на экран и недовольно скривился. — Не вовремя.

Я стояла, не веря, что спасение оказалось таким банальным. Волосы всё ещё были расчёпаны, кожа горела от его прикосновений, а сердце колотилось так, будто я только что пробежала марафон.

Савельев, не торопясь, пригладил мои волосы, а затем сжал их у затылка в кулак и слегка оттянул назад, будто снова утверждая своё право на меня.

Он впился губами в мою шею, оставляя влажный след, затем отпустил меня.

— Запомни, золотце, я не шучу. У меня нет привычки оставлять начатое незавершённым.

Он задержал взгляд на моём лице и усмехнулся:

— И даже не думай пытаться сбежать. Дверь железная, окна на решётках, звукоизоляция усиленная. Так что будь паинькой.

После этого он шагнул к выходу, отвечая на звонок. Дверь за ним хлопнула, оставив меня в тишине, прерываемой лишь моим сбивчивым дыханием.

**Волына - пистолет или другое огнестрельное оружие.*

**Малина - воровской притон или место, где можно скрыться от правоохранительных органов*

Визуализация 3. Злата и Артем

Глава 9.

Артём

Я сел за руль, всё ещё ощущая болезненное напряжение в паху. Эта горячая психологиня доводила меня до звериного состояния одним своим видом. Хотелось сорвать с неё юбку прямо здесь и сейчас, но пришлось сжать зубы и завести мотор.

Позвонивший так не вовремя Саныч сказал, что меня ждёт начбез Рябого, чтобы отдать документы, в каком-то гаражном массиве. Я прекрасно понимал: это первые смотрины начальника безопасности, и от них зависит, подпустят ли меня вообще к знакомству с Рябым. Так что облажаться нельзя.

Полчаса спустя я затормозил у ряда убитых гаражей в промзоне. Воздух пропах бензином, гарью и ржавчиной, вокруг валялись битые бутылки и чёрные пятна от костров. Я заглушил мотор и толкнул железную дверь, которая скрипнула, будто умирая. Внутри под светом тусклой жёлтой лампочки ждали Саныч, Сыч, Косой и коренастый мужик с тяжёлым взглядом под нависающими надбровными дугами.

Громов.

Начальник службы безопасности криминального авторитета Рябинина Валерия Михайловича по кличке Рябой. Того, кто держал под собой весь южный берег.

В банду которого мне так хотелось попасть, ради чего пришлось потратить целый год. Четыре месяца из которого я провёл на зоне.

Теперь всё зависело от этого человека, который смотрел на меня жёстко и недоверчиво.

— Ну здравствуй, малой, — первым заговорил начбез, протягивая руку.

Рукопожатие было крепким, почти до боли.

— Здравствуй, Гром. Или лучше на «вы»?

Гром хмыкнул.

— Ты, смотрю, шутник, бля. Но не теряешься — это плюс.

Он достал конверт и вынул оттуда три бордовые книжечки.

— Так, орлы перелётные, вот ваши новые ксивы. Липа голимая, но сойдёт, пока готовят чистые. На Мальдивы, конечно, не махнёте, да и вообще ряхи сильно не светите.

Сыч и Косой сразу схватили свои документы, я сунул свой за пазуху.

— Как обосновался на малине, малой? Всё ровно?

— Да, — кивнул я. — Передайте Рябому спасибо. Я готов впрягаться.

Гром прищурился.

— Ух, шустрый какой. Ты пока отсидись, пусть мусора собак обратно загонят, а там и вольёшься в дела.

— Да задрало сидеть четыре месяца, хочется движухи. С инкассаторами лажанулись, надо упущенное наверстывать.

Сыч перекошил лицо в ухмылке:

— Ты, Тёмыч, лучше телку пока свою как следует отжарь. И с друзьями не забудь поделиться, перед тем как прибрать за собой.

Косой заржал, не отрываясь от сигареты.

Громов неодобрительно посмотрел на них, затем пристально вперился мне в глаза.

— Рвёшься в бой, значит? Это хорошо. Но и глупо тоже. Тут мне докладывали, ты башкой слегка поехавший. Вот не знаю пока, плюс это или беда для нас.

— Так проверь, — отрезал я. — Косяков не будет, второй раз не проебусь. Если что, сам отпишусь.

Гром ухмыльнулся, но в глазах был холод.

— Ну ладно, проверим. Раз такой горячий, завтра поедешь с Санычем и ребятами. Посмотришь на дело с краю, рот лишний раз не разевай, слушай, что скажут. Если всё по-человечески сделаешь, разговор продолжим.

Он хлопнул меня по плечу, а затем задержал руку, пальцы вцепились в плечо сильнее.

— И про бабу твою. Сам всё смекаешь. Играй, развлекайся, но потом чтоб чисто было. Живые свидки никому не вперлись, это ясно?

Я кивнул, сохраняя каменную физиономию. Сыч и Косой довольно ухмылялись.

Хрен они получают моё Золотце, но знать им это незачем.

— Ну всё, бывай, завтра в десять тут будь.

Мы попрощались с мужиками, и я сел в машину.

На обратном пути я завернул в торговый центр, на всякий случай надев кепку и очки. Надо порадовать красавицу чистыми вещами.

Опыта совместной жизни с телками у меня не было, но и так ясно: ей нужна сменная одежда. И трусики тоже.

Ничуть не смущаясь, я зашёл в отдел женского белья и, прикинув на глаз её размер, выбрал пару комплектов. Консультантка с кокетливой улыбкой подсказала, что бельё тянется, так что не промахнусь.

На кассе, пока пробивали чек, я представил, как Злата надевает это бельё, и у меня тут же встал колом.

Сегодня ей точно от меня никуда не деться.

**Свидки — свидетели (жаргон).*

Глава 10

Злата

Время тянулось, как новомодный нынче слайм. Детей у меня не было, но я знала, что это за липкая тянущаяся дрянь, которую фиг отстираешь. Лизкины ребята его обожали и постоянно кланчили в подарок, и я, как дура, дарила. А потом пару раз сама благополучно садилась на него, безнадежно испортив пару джинсов и одну юбку.

Воспоминания о Лизе и моей прошлой жизни стянули сердце в болезненный комок. Увижу ли я ещё когда-нибудь свою подругу? Или меня просто сотрут, как ненужную свидетельницу, и никто даже не узнает, где я исчезла? Мысль холодом прошла грудь. Я чувствовала себя так, будто увязла в липком ведре слайма: чем сильнее пытаюсь выбраться, тем крепче оно тянет меня вниз.

В ожидании своей участи я с пристрастием изучила квартиру. Никакой «волыны», о которой упоминал Саныч, я, конечно, не обнаружила. Глупо было бы рассчитывать, что Савельев оставит мне оружие под рукой. Если оно и было, то спрятано так, что найти его невозможно.

Пользуясь его отсутствием, я быстро приняла горячий душ, и это на короткое время подняло настроение. Всё-таки чистой быть лучше. Я даже помыла голову и умудрилась расчесать длинные светлые волосы мужской расческой, которую нашла на полке.

Пока они сохли, я, обернувшись в полотенце, снова чувствовала себя человеком. До того момента, пока не пришлось натягивать осточертевшую юбку и несвежую блузку.

Из немудрёных продуктов я соорудила себе что-то вроде лёгкого перекуса.

А ещё подметила неприятную деталь: квартира оказалась однокомнатной, и в ней стояла только одна большая кровать. Ни дивана, ни раскладушки, где можно было бы примоститься. Правда, было довольно уютное кресло в углу — если что, я готова спать там.

Это была безнадежная попытка обмануть саму себя. Ясное дело, Савельев не для того привёз меня сюда, чтобы дать свернуться клубочком в кресле.

Если раньше ещё удавалось как-то избегать его приставаний, то теперь в этих стенах это будет сделать куда сложнее. Но я всё равно не теряла надежды.

Я не знала, чего больше боялась — того, что это случится, или того, что мне это понравится. Савельев, несмотря на всю свою дерзость, каждый раз каким-то образом заставлял моё тело откликаться. Это было безумием, причём опасным. Он беглый зек. Убийца. И к тому же моложе меня лет на десять.

То, что от его наглых касаний у меня вскипала кровь, не сулило ничего хорошего. Это могло вызвать ненужную фантазию, будто передо мной просто молодой горячий парень, с которым у меня роман. Пусть и не по моей воле. Но реальность была куда страшнее: я оставалась заложницей, свидетельницей, от которой в любой момент могли избавиться.

Мою рефлексия прервал звук отпираемого замка, от которого я вздрогнула.

Савельев вошёл с широкой коробкой и пакетами в руках.

— Привет, красавица, соскучилась? Принимай пиццу.

Растерявшись от неожиданности, я взяла коробку и отнесла на кухню. Савельев зашёл следом, протянув бумажный пакет.

— Держи, можешь переодеться к ужину, — подмигнул он. — И возвращайся скорее, пицца стынет. Это приказ, если что.

Я взяла пакет, и на мгновение наши пальцы соприкоснулись. Меня словно пронзило током. Эта реакция мне совсем не нравилась. А его долбаная пицца только подчёркивала абсурдность ситуации. Будто обычный парень вернулся домой, сейчас поедем пиццу и посмотрим фильм в обнимку. Бррр.

В пакете оказалась одежда: пара футболок, плюшевый спортивный костюм ярко-красного цвета и... Боже мой, нижнее бельё. Я покраснела. Он что, серьёзно его купил? Беглый зек своей заложнице?

Вишенкой на торте абсурда стали домашние тапочки с мордой медведя, а вместе с ними пакетик с зубной щёткой и набором кремов для лица и тела. Зачем такая забота о без пяти минут труп?

— Красавица, я жду, иди скорее. Или я сейчас приду и помогу тебе переодеться.

Зная, что он реально может это сделать, я быстро натянула костюм. Почему он выбрал именно красный цвет, интересно?

Я вышла на кухню, не понимая, как реагировать. Вдолблённое воспитание требовало поблагодарить за заботу, а здравый смысл холодил страшной мыслью: это выглядело слишком ненормально. Пицца, тапочки с медведем, крем для лица... Всё это создавало мнимую иллюзию безопасности, но могло быть лишь маской перед чем-то гораздо худшим.

Все мы читали о таких случаях — маньяки часто притворялись заботливыми, угощали, улыбались, а потом ударяли так, что никто не ждал.

Савельев уже разложил пиццу по тарелкам и теперь с насмешкой наблюдал за мной.

— Золотце, ты слишком много думаешь. Понимаю, профдеформация, но всё же харе себя накручивать. Садись и ешь.

Я села на краешек стула и вяло взяла кусок. Пицца пахла одуряюще вкусно, и, отодвинув переживания подальше, я вцепилась зубами в мягкое тесто.

Было немного неуютно от того, что Савельев не сводил с меня своего каре-зелёного взгляда.

— Сколько тебе лет? — вырвалось у меня. Наверное, просто чтобы разбавить обстановку. Или хотя бы отвлечь его от этого прожигающего взгляда.

Он хмыкнул.

— Двадцать пять. Будет. Через две недели.

Я чуть не подавилась. Через две недели? Не хватало ещё, чтобы у нас были дни рождения в один день.

— Какого числа?

— Третьего ноября.

У нас дни рождения в один день. С разницей ровно в десять лет. Радовало только то, что я никак не могла бы быть ему мамой. Хотя, почему я вообще об этом думаю?

— Если ты переживаешь о нашей разнице в возрасте, не надо. Меня в тебе абсолютно всё устраивает. А ты, после ночи со мной, больше никогда не захочешь другого.

Савельев лениво потянулся, играя татуированными бицепсами.

Он был как хищник, прекрасно осознающий свою силу и привлекательность. Хотелось больно шёлкнуть его по носу.

— Да уж, ты прям подарок судьбы. Для какой-нибудь ждули, которая будет падать в обморок от твоих наколок и понтов.

Выдав это, я тут же прикусила язык. Ну зачем я его провоцирую, что за тупость.

Он резко выпрямился, и в глазах вспыхнул знакомый хищный блеск.

— Посмотрим, как ты заговоришь, когда кончишь пару раз на моем члене.

Я вспыхнула от негодования. Мелкий щегол! На мгновение я забыла, что нахожусь полностью в его власти.

— Да пошёл ты! Я тебе не девочка, чтобы так разговаривать со мной!

Он встал нарочито медленно, будто смакуя каждое движение.

— Как доешь, помой посуду, Золотце. Я в душ. Жди меня в постели. Можешь сразу голой.

Когда он скрылся за дверью ванной, я едва сдержала желание швырнуть тарелку в стену. Этот отморозок сводил меня с ума и одновременно пугал до дрожи. Я не хотела спать с ним. Я хотела выжить.

Готова ли я заплатить собственным телом за этот шанс? Или он просто наиграется и потом хладнокровно уберёт?

Я сполоснула тарелки, решив не воевать на пустом месте.

Затем пошла в комнату, устроилась в кресле и закрыла глаза. Усталость и опустошение накрыли одним махом. Стало дико жалко себя и свою непутёвую жизнь.

Совершенно некстати вспомнился Илья. Интересно, он хоть немного волнуется за меня? Наверняка по всей стране уже разошлись новости, что психолога похитили при побеге из тюрьмы. Его новая краля, наверное, поджала носик, когда он рассказал ей обо мне. «Фу, пупсичек, тюрьма — это так не прикольно, такой кринж.» Поколение зумеров, или как их там там зовут. Бездушная кукла, в общем.

Хотя... с чего я на неё накинулась? Она-то не виновата, что Илье надоела скучная Злата. Не виновата и в том, что мной попользуется молодой наглый зек, а потом выбросит где-нибудь в канаве.

По щекам потекли слёзы. Не навзрыд, а тихие, жгучие, от которых внутри становилось ещё горше.

В своих печальных раздумьях я не услышала, как он вышел из ванной. Лишь когда почувствовала на себе прожигающий взгляд, открыла глаза.

Савельев стоял передо мной, ещё влажный после душа. На нём было только полотенце, небрежно повязанное на поясе. Капли скатывались по груди, обводя рельефные мышцы, скользили по узорам татуировок и терялись у пупка, врезаясь в узел махровой ткани. Влажные волосы тёмными прядями ложились на лоб, делая его ещё более дерзким и опасным. У меня внезапно перехватило дыхание, а в горле пересохло. Попытка сглотнуть не увенчалась успехом — язык казался тяжёлым и шершавым, словно наждак. Я облизала сухие губы и заметила, как он слегка дрогнул от этого жеста.

Его глаза потемнели, стали почти чёрные от расширенных зрачков. Взгляд был тяжёлым, вязким, будто прибавал меня к креслу. Казалось, ещё шаг — и он сорвётся, и ничто уже его не остановит.

Я вжалась в спинку, чувствуя, как по коже побежали холодные мурашки. Мое сердце колотилось так яростно, что его стук, наверно, был слышен на всю комнату. Каждый удар отдавался в висках, словно предупредительный звонок перед катастрофой.

Он подошёл ближе, крепко перехватил мой подбородок, а большим пальцем другой руки осторожно стёр слёзы с моей щеки. Жест был почти нежным, отчего у меня закололо где-то глубоко в груди.

— Я не причиню тебе вреда, — тихо сказал он, глядя прямо мне в душу. Затем наклонился и дотронулся губами до моих.

Поцелуй был осторожным, мягким, совсем не похожим на прошлые разы. Я поймала себя на том, что сама приоткрыла рот, впуская его язык.

Его ладонь скользнула с моей щеки на шею, задержалась на ключице, словно слушала бешеный пульс. Потом двинулась ниже, прошла по ткани футболки поверх груди и нырнула под неё. Пальцы нашли вершину полушария, сжали сосок.

Я резко выдохнула, но он поймал мой выдох губами, углубив поцелуй. Его язык настойчиво исследовал мой рот, пока пальцы играли с соском, оттягивая, перекачивая, переходя от одной груди к другой. Каждое его движение отзывалось острым импульсом внизу живота, расплзалось горячей волной по телу.

В какой-то момент его рука скользнула ещё ниже и проникла в трусики.

— Нет! — сдавленно прошептала я, но пальцы уже раздвигали влажные складки, находили вход и погружались внутрь.

— Ты вся мокрая, золотце, — хрипло выдохнул Савельев, наклонившись к моей груди и смыкая губы на соске.

Я словно со стороны услышала, как из моего горла вырвался протяжный стон. Это не могла быть я. Не могла так позорно стонать в руках этого наглого щенка.

Он взял мою руку и прижал к своему паху. Сквозь махровую ткань я ощутила его член, каменный от возбуждения. Он был огромен, и это только усилило моё странное оцепенение.

Его пальцы внутри меня двигались всё быстрее, скользили наружу, кружили по самому чувствительному месту и снова погружались.

Я задыхалась, теряя связь с реальностью. Меня захлестнуло волной таких острых ощущений, что я уже ничего не соображала.

Он скинул полотенце и положил мою ладонь на свой член.

— Сожми его, — сдавленно попросил он и я сделала это.

Он застонал и ускорил движения пальцев внутри меня, одновременно двигаясь сам. Я чувствовала, как его горячая тяжесть скользит в моих пальцах, как он толкает мою ладонь на себя и обратно, трахая её. Необъяснимым образом все это дико возбуждало меня.

Движения его пальцев и толчки моей руки совпали, превратившись в единый рваный ритм. Он то замедлялся, то резко усиливал давление, будто нарочно сводил меня с ума.

Я хватала воздух, которого отчаянно не хватало. Он опустил губами на мою шею и впился в нежную кожу почти до боли, а затем провел губами снизу вверх к чувствительной точке за ухом, покусывая её, как зверь, метящий свою самку.

— Я хочу, чтобы ты выкрикнула моё имя, когда кончишь, — прошептал он мне прямо в ухо.

«Ещё чего, наглый сопляк», — так должна была бы ответить я ему, но вместо этого лишь сильнее прогнулась в спине, раскрываясь навстречу его пальцам.

И тогда оргазм обрушился на меня стремительной ударной волной, разрушая этот мир на мелкие осколки.

Я кричала из самой глубины, будто это была не я, а моя необузданная, первобытная сущность вырвалась наружу. Почувствовав мощное сжатие моих мышц, он зарычал и впился в шею уже с зубами, оставляя отметины. Потом толкнулся ещё несколько раз в мою ладонь и с ревом кончил.

Затем всё стихло. Осталась лишь пульсирующая тишина и горячая жидкость, стекающая с моих пальцев.

Глава 11

Открыв глаза, я не сразу поняла, где нахожусь. Зато сразу осознала, что под футболкой на моей груди лежит мужская рука. А в бедро упирается что-то твёрдое.

После вчерашнего безумия я почти сразу отключилась, помню только, что Савельев сгрёб меня с кресла и переложил в кровать.

И сейчас он спал рядом со мной, прижавшись утренним стояком к моим бёдрам.

Я аккуратно высвободилась из его захвата и тихо направилась к ванной. Бросив мельком взгляд на кровать, я покраснела. Савельев спал полностью обнажённым, а полотенце так и осталось валяться у кресла, где он вчера вытер мне руку. Теперь, при дневном свете, я могла разглядеть его во всей красе.

И да, там было на что посмотреть. Сильное, идеально сложенное мужское тело без единой капли жира. Узоры татуировок подчёркивали рельеф налитых мышц. Взгляд скользнул ниже быстрее, чем я успела это осознать. Его член был внушительного размера и вызывал совершенно неприличные мысли.

Тут всплыло воспоминание, как он пульсировал у меня в ладонях, и я почувствовала, как между ног предательски потеплело и стало влажно.

Господи, меня что, возбуждает этот мальчишка?

Я бы ещё простила себе это, если бы речь шла о случайном молодом парне, с которым я познакомилась в клубе. Тогда всё было бы объяснимо: музыка, коктейли, флирт и обаяние молодости.

Но сейчас? Я, его заложница. Он беглый зек, убийца, от которого зависит моя жизнь. И то, как я реагирую на него, было не просто неуместно, а до смешного глупо. Предательство собственного тела. Как будто оно решило жить отдельно от головы и насмешливо показывало мне, кто тут настоящий хозяин.

Разозлившись на себя, я решила принять почти холодный душ в качестве своеобразного наказания. Но очень быстро сдалась и сделала воду горячее.

За шумом воды я не услышала, как открылась дверь и отдернулась занавеска. Смыв пену с головы, я вскрикнула, открыв глаза, потому что в душевой стоял Савельев.

— Доброе утро, красавица. Что, в душ и без меня? — ухмыляясь, протянул он в духе интернет-мемов.

— Ага, именно без тебя, — огрызнулась я, прикрываясь ладонью. — Тебя тут вообще никто не звал.

— Да ладно, не ершись, — он шагнул под воду, и струи горячей влаги потекли по его плечам, стекая вниз по татуировкам. Пространство душевой моментально сузилось, и я почувствовала, как от одного его присутствия у меня сбилось дыхание.

— Вместе мыться экономнее. Сэкономим деньги братве, — добавил он с насмешкой.

Он намылил мочалку и начал водить её по телу с самым невозмутимым видом. Мыльная пена стекала вниз, и я, как замороженная, следила за ручейками воды, скользящими по его коже.

Вдруг он вскинул на меня взгляд, и в карих глазах заиграли огоньки.

— Хочешь помыть меня ты?

Я вспыхнула.

— Нет уж, спасибо. И вообще, я выхожу.

Решив, что с меня хватит, я потянулась к полотенцу, но он перехватил мою руку и рывком прижал к себе.

— Хватит уже бегать, красавица. Я же вижу, что ты тоже хочешь меня.

От возмущения я не сразу нашлась, что ответить, как он ворвался в мой рот с поцелуем. Меня словно окатило кипящей лавой с ног до головы. Его губы были жёсткие и требовательные, язык пробивался глубже, лишая меня воздуха и воли.

Я хотела оттолкнуть, но пальцы ослабли, и сама не заметила, как приоткрыла губы навстречу. От его напора по коже побежали мелкие мурашки, а от возбуждения кровь забурлила, будто в ней лопались крошечные пузырьки.

Колени подогнулись, спина выгнулась навстречу, и я с ужасом поняла, что отвечаю на его поцелуй жадно и отчаянно.

И вдруг он отстранился. Резко, как будто вспомнил что-то важное. Его дыхание всё ещё обжигало моё лицо, а глаза горели, но он хрипло усмехнулся:

— Придётся отложить, золотце. У меня дела. Но по возвращении...

Тяжело переводя дыхание, я выскочила из душевой, стараясь не думать о том, почему один только его намёк на продолжение заставил живот вспыхнуть огнём.

Чтобы отвлечься от мыслей, я решила приготовить завтрак. Достала несколько яиц, помидоры и сосиски, на секунду задумалась, должна ли я спросить, готовить ли на него тоже. Желания кормить зека не было, но опять врубилась грёбанные хорошие манеры. Он же купил мне одежду и принес пиццу. А ещё довёл до такого оргазма, что даже сейчас при воспоминании о тех ощущениях слабели колени.

Наверно, я выглядела очень глупо, застыв в раздумьях со сковородкой в руках, потому что когда я повернулась, увидела Савельева, с усмешкой наблюдавшего за мной. На нём уже была надета кожаная куртка.

— Красавица, я бы с радостью разделил с тобой завтрак, но мне надо ехать. Увидимся вечером.

Он послал мне воздушный поцелуй и развернулся к выходу. Спустя секунду раздался щелчок замка.

Визуализация 4. Артём.

Глава 12

Артём

На встречу к гаражам я приехал вовремя. Там уже был Сыч, а десять минут спустя подъехала ещё парочка мужиков, которых я видел впервые.

Из объяснений Громова я понял, что целью нашей поездки было банальное вышибание долга с одного ресторатора, задолжавшего Рябому.

Гром предупредил: мокрухи лучше избегать, но «если надо — грохните кого-нибудь из его людей, чтоб больше не тянул с оплатой».

Мысль снова ввязываться в мокрые дела сразу после недавней отсидки меня совсем не прельщала, но выбора не было. Сейчас главное — показать Рябому, что я готов на всё, лишь бы влиться в их «коллектив».

Сыч поехал со мной, а двое других на второй машине.

— Ну что, Савыч, как вкус свободы? Как вкус психологини? — с тупым ржанием спросил Сыч, закуривая особенно вонючую папиросу прямо в салоне.

Я старался не морщиться. Терпеть не мог табачного дыма, но урка-ЗОЖник вызвал бы как минимум недоумение у братвы.

— Нормально всё. Когда зоной не воняет, дышится прекрасно, сам знаешь. А про психологию не твоё дело.

— Ты давай не залипни на ней, — бросил Сыч, стряхивая пепел под ноги. — Мы тебе подгоним потом девок, замучаешься выбирать. А с этой уже завязывай. А то Гром нервничать начнёт.

Мне очень хотелось засунуть эту сигарету ему в глотку.

— Я разберусь, Сыч. Не малолетка. Только, по-моему, ты слишком много об этом думаешь. У самого что ли яйца чешутся?

Сыч гоготнул:

— Ну да, больно уж задница у неё аппетитная. Да и вообще вся такая стерва. Люблю из таких спесь вытрахивать.

Я сжал руль так, что костяшки побелели. Нет, нельзя, Савельев. Нельзя сейчас расквасить ему рожу. Но при мысли о том, что эта свинота дотронется до моего Золотца, у меня вскипала кровь.

Злата моя и точка. И пусть только попробует кто к ней сунуться.

Сам не понимал, чего меня так на ней заклинило. Но при первом взгляде на неё, ещё там, в тюрьме, у меня сразу колом стал, и внутри неонов загорелась вывеска: «Эта телка — моя». Никогда такого не было, хотя девок было — не сосчитать. Как в четырнадцать начал е*ать всё, что движется, так и не прекращал.

На самом деле, я не собирался брать её в заложники изначально. Думал: после побега разберусь с делами, а потом уже прикачу к ней.

Вот только моя красавица приглянулась Гробу. Самому последнему отморозку и психопату, который, как поговаривали, обожал причинять боль. У него вся охрана прикормлена. Пошёл слух, что он собирался заказать её себе на сладкое.

Если бы я без неё тогда усвистел, плохо бы пришлось Золотцу. Эта мразь сначала её во всех позах бы отымела с особой жестокостью. А потом или Злата крышей поехала бы, или её нашли бы в канаве. Охрана всё отрицала бы, свидетелей не оставалось. Так уже бывало с другими бабами, которые пытались качать права и требовали справедливости.

Поэтому я её и прихватил.

Вот только теперь ещё и от своих отбивать приходится. Но даже Сыч с Громом вместе взятые не были такими отмороженными, как Гроб. С ними я как-нибудь разберусь.

— А у этого должника есть семья? — спросил я у Сыча, чтобы сменить тему.

— Ага. Жена и двое детей. Можем женушку прижать для наглядности.

— Блядь, Сыч, тебе лишь бы прижать кого-нибудь. Сними уже себе шлюху, хоть пар сбросишь.

Тот совсем не обиделся, лишь заржал как обычно.

Я задумался. Хоть Рябой и сказал, что при необходимости можно убрать кого-нибудь, что-то мне подсказывало, что если мы справимся с делом без мокрухи, это мне зачтётся больше.

Внезапно в голову пришёл изящный план. Я достал трубку и набрал Громова.

— Это Малой. У тебя есть данные о том, где сейчас жена должника? И узнай, как зовут его детей.

Несколько часов спустя мы вышли из ресторана с полностью выплаченным долгом в кейсе.

План был максимально прост, но эффективен. Жена ресторатора была в торговом центре, гуляла вместе с детьми по магазинам. А мы по пути заскочили в салон мобильной связи, где я при помощи своего обаяния и пары нужных звонков убедил консультанта, что моя жена потеряла телефон и мне надо срочно перевыпустить сим-карту. Которую я вставил в новый аппарат.

Когда мы приехали на место, ресторатор упорно отказывался, ссылаясь на отсутствие выручки, клялся и божился, что как только так сразу. Это был старый прожжённый еврей, у которого не могло не быть припрятанной кубышки с наличкой.

Убивать его Рябой не хотел, потому что он действительно приносил хорошую прибыль. Вот только делиться он не любил. Прилежно отдавал базовую часть, но периодически зажучивал то, что шло сверху.

Конечно, пришлось его приложить как следует, но он продолжал упорствовать.

— А как ты думаешь, где сейчас Давидик и маленькая Ева? — вкрадчиво уточнил я.

— Они с моей женой, — побледнел мужчина, тут же теряя свой боевой напор.

— Всё правильно. А твоя жена сейчас в подвале одного из помещений Валерия Михайловича. И увидишь ли ты снова свою семью, зависит от тебя.

И предложил ему набрать своей супруге.

Как же вытянулось у него лицо, когда на звонок заиграла мелодия из телефона, который лежал в моей куртке.

— В подвале плохо ловит, поэтому я решил, что её мобильник пока побудет у меня, — пояснил я с улыбкой. — Но если ты хочешь, Сыч съездит, передаст ей большой горячий привет от тебя. Верно, Сыч?

Тот ослабился.

— Вообще базара нет! Передам раза два, как минимум. Только мелкие щенки чтоб не орали, а то придётся им рты закинуть.

Бедняга еврей тут же пулей стрельнул к потайному сейфу и всё отдал.

Представляю, какое было у него лицо, когда полчаса спустя вернулась с шоппинга довольная жена, жалуюсь, что у неё почему-то перестала работать симка.

— Ну ты орёл, Малой! — веселился Сыч, когда мы ехали к Грому отдавать полученное. — Даже руки марать не пришлось.

Громов был чуть более сдержан, просто кивнул и бросил:

— Молодец, Малой. Мы уже думали, придётся его всё-таки мочить.

Пересчитав наличку, Гром коротко сказал:

— Рябой ждёт тебя. Поехали.

Всё. Наконец-то. Почти год у меня заняло, чтобы доказать свою нужность банде Рябого. И вот она, долгожданная аудиенция у главного криминального авторитета южного берега.

Глава 13

Злата

После ухода Савельева я неторопливо и с удовольствием позавтракала, потом улеглась на кровати, включила телек и пересмотрела все фильмы, которые шли по каналам.

Затем ещё раз тщательно исследовала квартиру, но не нашла ничего, что могло бы мне как-то помочь выбраться.

Было ощущение, что я словно крыса в стеклянной банке.

Не верилось, что ещё позавчера у меня была обычная жизнь, любимая работа, какие-то планы и цели. А сейчас только бандитская квартира и ожидание возвращения зека, от прикосновений которого у меня вспыхивает кровь.

Савельев сказал, что не причинит мне вреда. Означало ли это, что он отпустит меня? Или он имел в виду, что просто не прикончит, но моя судьба теперь жить в притоне с бандитом?

Если я выпутаюсь из всего этого, мне впору не диссертацию писать, а криминальный триллер.

Ближе к вечеру я уже просто ходила по квартире, как зверь в клетке, и с каждым шагом ощущение безысходности только крепло. В этой берлоге не было ни одной книги. Ладно книги — я была бы рада даже какому-нибудь потрёпанному журналу «Спортивная жизнь».

Время шло и шло, но Артёма не было. Не то чтобы я особо скучала по нему, но всё-таки предпочла бы, чтобы он вернулся, чем если бы с ним что-то случилось и приехал Саныч «зачищать» квартиру.

Телевизор гудел однообразием, но я ловила себя на том, что больше прислушиваюсь к звукам снаружи. Любой стук, шаги на лестнице, хлопок дверью заставляли сердце бухать так, будто ко мне уже ломаются. Иногда я представляла, как это не Савельев открывает дверь, а Саныч с компанией. И тогда... Я зажмуривалась, чтобы не додумывать картину дальше.

Но стоило мне расслабиться, мозг предательски подкидывал другое: воспоминание о его руках, ласкающих мои соски, или о том, как горячо и грубо он целовал меня в душе. Тело отзывалось мгновенно, как будто на автомате. Я злилась на себя, пыталась прогнать мысли, но это было похоже на борьбу с огнём, который только сильнее разгорается, когда машешь на него руками.

Когда на часах пробила полночь, я уже не могла ни думать, ни переживать, просто без сил завалилась в постель, накрыла голову подушкой и отрубилась.

Проснувшись от прикосновений чьей-то руки. Сначала решила, что это сон: мягкое, почти ленивое движение по плечу, тёплое дыхание у виска. Но сон быстро рассеялся, и я сразу поняла, что это он. Савельев вернулся.

— Привет, Золотце, — хрипло шепнул он мне прямо в ухо.

От него пахло коньяком и почему-то берёзовыми вениками. Судя по начинавшему пробиваться рассвету, время было около пяти утра.

Он рывком развернул меня к себе и впился губами в мой рот. Поцелуй был яростный, требовательный, будто он хотел стереть границы между нами, подчинить меня целиком. Его ладонь сжала моё запястье, вторая легла на затылок, заставляя принять его напор.

От него исходило напряжение и подавляющая энергия такой силы, у меня перехватило дыхание. Сердце колотилось в груди, страх пробрал до мурашек — и в то же время тело пронзило огненной стрелой, как будто оно ждало именно этого.

Его язык то неистово атаковал мой рот, то ласково играл с моим языком, скользил по линии зубов, а в следующую мгновенье снова прорывался внутрь, жёстко и жадно, как хищник, добывающий добычу. Каждое движение было похоже на толчок, и я чувствовала, будто

он владеет мной уже здесь, в поцелуе. Мир словно растворился в этом жарком, властном хаосе наших сплетённых губ.

Савельев дышал тяжело, почти срываясь, и в его движениях чувствовалась какая-то бешеная одержимость, а у меня не оставалось ни сил, ни желания сопротивляться.

Вдруг он навалился сильнее, коленом раздвигая мои ноги и накрывая меня собой. Ткань тонких штанов натянулась, и я ощутила его бедро прямо там, где во мне разгоралось пульсирующее тепло.

Его ладонь скользнула вниз, ухватила край моей футболки и рывком сняла её через голову. Я не успела возмутиться, как холодный воздух ударил в оголённую кожу, соски мгновенно напряглись, и он тут же накрыл грудь своей ладонью — грубой, тёплой, настойчивой. Пальцы скользнули по соску, зажали его и слегка потянули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.